

Глава 8

Нижний уровень института Суйхуэй был зоной высшей степени безопасности, куда имели доступ только самые доверенные люди Янь Цзю.

В тот миг в холодной пустой камере Янь Цзю стоял на одном колене на металлическом полу; шею и конечности сковывали электромагнитные наручники. Радиус его движения ограничивала лишь трехметровая стальная цепь.

Его обычный безупречный костюм-тройка, всегда подчеркивавший сдержанность и холодность хозяина, был разорван в клочья. Обнаженный торс, залитый потом, резко очерчивал крепкие мышцы груди.

Он опустил голову и уже три минуты не шевелился.

Гнетущая тишина напоминала затишье перед бурей.

За смотровым окном, не отрывая глаз, за ним наблюдали Тан Фань и несколько профессоров.

Тан Фань нервно сглотнул. Когда таймер отсчитал пять минут, он прошептал:

— Уже пять минут. Должно было отпустить.

Профессора еще колебались, когда Янь Цзю вдруг рванулся вперед, прямо к комнате наблюдения. Цепи тотчас натянулись до предела, взвизгнув металлом.

Янь Цзю впился взглядом в одностороннее стекло. В его глазах было что-то звериное, жестокое, уже совсем нечеловеческое.

Тан Фань отпрянул на два шага, побледнев от ужаса.

— Он все еще не пришел в себя! А мы же утром ввели ему ингибитор усиленного действия!

Даже опытные пожилые профессора переменялись в лице.

Три года назад, спустя всего месяц после того, как Шэнь Хуэй исчез, у Янь Цзю развилась тревога разлуки у альфы, а затем состояние стремительно перешло в настоящую манию.

Даже сам Янь Цзю отказывался в это верить: такой симптом проявлялся лишь у чрезвычайно совместимых, уже связанных меткой партнеров, которых насильно разлучили. Но Шэнь Хуэй вплоть до самой смерти считался бетой.

Никто не мог понять, что пошло не так. Оставалось лишь подавлять состояние обычными ингибиторами железа. Но за три года устойчивость Янь Цзю к ним все росла: сначала ему хватало одной инъекции на три месяца, теперь же действие препарата начинало ослабевать уже на второй день.

Если в ближайшее время не найти решения, однажды его окончательно сведет с ума ответный выброс, и он превратится в бешеного зверя.

Пока остальные приходили в себя, Янь Цзю, разъяренный тем, что его игнорируют, издал яростный рык. Жилы на руках вздулись; он рванул цепь с такой силой, что одна из стальных скоб действительно лопнула!

Цепь была оснащена высоковольтным токопроводящим устройством. В тот же миг посыпались искры, затрещало электричество, и Янь Цзю с размаху ударил ею в стекло смотровой.

Тан Фаню почудилось, будто удар пришелся ему прямо в лицо; он пошатнулся от страха, сердце едва не выскочило из груди.

Молодой профессор уставился в оцепенении.

— Он... он разорвал сталь?!

Такой силы у человека быть не могло.

Пока молодой профессор еще не мог опомниться, пожилой уже бросился к панели управления. В тот момент, когда Янь Цзю голыми руками потянулся сорвать с шеи электрический ошейник, профессор с силой ударил по кнопке разряда, выкрутив напряжение на максимум.

Ж-ж-ж—

Из камеры вырвался пронзительный вопль. Все тело Янь Цзю содрогнулось в жестокой судороге. Профессор не проявил ни капли жалости и сразу же нажал кнопку инъекции ингибитора, влив в его организм дозу, опасно близкую к смертельной.

Только после этого старик бессильно рухнул в кресло, не смея даже проверить, жив Янь Цзю в камере или уже мертв.

Тан Фань, перепуганный до полусмерти, метнулся к смотровому окну и, затаив дыхание, уставился на Янь Цзю, чья одежда обуглилась и рассыпалась под током.

Несколько секунд тянулись как годы. Лежавший ничком на металлическом полу Янь Цзю с трудом шевельнул пальцем и показал ему знак: один.

— Он в сознании! Он в сознании! Быстро, спасайте его! — Тан Фань вскочил и распахнул дверь камеры, крича профессорам, чтобы те перенесли Янь Цзю в медблок. После суматошной беготни Янь Цзю наконец оказался без сознания на больничной койке. Кроме незначительных ожогов от тока, остальные показатели у него, к удивлению всех, оставались почти нормальными.

Только тогда Тан Фань с облегчением выдохнул, ноги у него подкосились, и он рухнул на колени у кровати. А затем и вовсе без всякой церемонии сел прямо на пол. Пожилой профессор, решив, что тот сейчас тоже потеряет сознание, шагнул помочь, но Тан Фань лишь отмахнулся.

— Ноги ватные. Не встану. Дайте отойти, — выговорил он, чувствуя, что после страха, который нагнал на него начальник, все тело словно превратилось в кисель.

У старого профессора руки тоже еще дрожали от пережитого. Курить он давно уже не мог, хотя сейчас не отказался бы от сигареты. На лице у него было выражение человека, чудом избежавшего беды.

— Начальнику срочно надо найти какую-нибудь омегу. И поскорее.

Тан Фань посмотрел на него с полным отчаянием.

— Кого? Меня?

Выражение лица профессора ясно говорило: а кого же еще?

Они молча уставились друг на друга. В медблоке воцарилась мертвая тишина. В первый год после смерти Шэнь Хуэя любой, кто осмеливался заикнуться об этом, дорого за это платил.

Первым сменил тему старый профессор.

— Пойду еще раз проверю данные обследования начальника. Даже альфа высшего класса не должен переносить такой разряд почти без последствий. Он ведь тогда и правда дифференцировался сам?

Тан Фань покачал головой.

— Не знаю. Я только слышал, что во время дифференциации начальника что-то пошло не так. Но что именно... знает только тот человек.

Старый профессор опешил.

— Шэнь Хуэй?

Тан Фань посмотрел на Янь Цзю, который восстанавливался с пугающей скоростью, и лицо его стало сложным.

— Говорят, тогда семья Чэнь расставила ловушку. Они хотели, чтобы начальник дифференцировался в омегу, а потом через брак законно проглотить семью Янь. Я не знаю, что сделал тот человек, но в итоге начальник стал таким.

Старый профессор всю жизнь занимался исследованием желез и понял все сразу. Семья Чэнь вмешивалась в дифференциацию Янь Цзю препаратами, и явно не один раз.

Немного помолчав, он активировал высший уровень защиты института и зашифровал все медицинские данные Янь Цзю, вплоть до самых элементарных осмотров.

Лишь убедившись, что вся информация надежно скрыта, он наконец чуть расслабился. Потом повернулся к Тан Фаню, который уже сумел подняться на ноги.

— Институт исследований желез, может, и протянет без начальника, но корпорация Янь — вряд ли, верно? Я слышал, они все еще продвигают проект по недвижимости в деревне Чжунши?

— А... — при одном упоминании об этом Тан Фань пришел в еще большее уныние. — Следующий проект реконструкции и сотрудничества компании — строительство там исследовательского центра. Но разве нам нынешнего института мало?!

— Начальник действительно упоминал, что собирается расширять институт. В конце концов, исследование желез, как и ИИ, — одно из главных направлений будущего, — довольно сказал старый профессор. Он еще на заре всего этого купил в деревне Чжунши две квартиры; если сейчас перепродать их компании, можно легко заработать чистый миллион, а там, глядишь, и повышение с прибавкой.

Но затем он взглянул на лежащего без сознания начальника — и улыбка мгновенно исчезла: нет, начальник ни в коем случае не должен умереть! Если уж собрался помирать, то только после того, как выплатят компенсацию за снос.

*

Шэнь Хуэй знал, что видит сон. Перед ним мерцал тусклый танцпол, вспыхивая неоновыми огнями, музыка гремела так, что оглушала.

Он равнодушно шел сквозь толпу, извивавшуюся в такт музыке. Воздух был густ от резкой смеси духов, алкоголя и пота.

По дороге к нему не раз пытались клеиться, но он всех игнорировал. Несколько подвыпивших молодых господ, не желая сдаваться, шатаясь, полезли к нему, пытаясь обнять за талию.

Во взгляде Шэнь Хуэя мелькнуло отвращение. Не меняясь в лице, он взял стоявший рядом бокал ледяной воды и плеснул им в их разгоряченные физиономии.

Разъяренные молодые господа, вытирая лица, тут же принялись ругаться и грозить, что сейчас его проучат. Но стоило им ясно разглядеть лицо Шэнь Хуэя, как кровь отхлынула у них от лиц.

— Д-дворецкий Шэнь?!

Шэнь Хуэй давно привык к этой смеси страха и заискивания, которая неизменно следовала за любой попыткой его задеть. Страх был вызван его дурной славой человека безжалостного; заискивание — тем, что в Цинхае никто не смел идти против семьи Чэнь.

И все признавали его собственностью Чэнь Шэньчжи.

— Веселитесь, молодой господин Чжоу. У меня дела, — холодно-вежливо произнес Шэнь Хуэй, едва заметно кивнул и направился к приватным комнатам наверху. За спиной он различил презрительное фырканье молодого господина Чжоу.

— Кого он из себя строит? Просто игрушка молодого господина Чэня, а тоже воображает!

— Ц-ц, с таким лицом и телом немудрено, что молодой господин Чэнь его бережет.

— Редкая находка. Когда молодому господину Чэню надоест, я его заберу и как следует развлекусь. Наверняка орет очаровательно, когда плачет!

Компания, уставившись на удаляющуюся спину Шэнь Хуэя, хохотала мерзко и развязно.

— Что вас так развеселило?

Чэнь Шэньчжи стоял у них за спиной с коктейлем в руке — изящный, безупречный.

Повседневная рубашка и брюки, закатанные до локтей рукава, расстегнутый до третьей пуговицы ворот, золотая оправа очков, за которой прятались улыбающиеся глаза цвета цветущего персика, — он выглядел как благородный, утонченный сын аристократического дома. Но вся компания застыла так, словно их окатили ледяной водой. Лица у всех были белые

от ужаса; никто не смел даже обернуться.

Тот, кто оскорбит Шэнь Хуэя у него на глазах, может закончить плохо, но не обязательно умрет. А вот никто из тех, кто ругал Шэнь Хуэя при Чэнь Шэньчжи, не остался в живых.

— Молодой господин Чэнь... это... — вожак, молодой господин Чжоу, дрожа, обернулся и еще пытался что-то объяснить.

Чэнь Шэньчжи слегка улыбнулся. На стеклах очков блеснул холодный, злобный ответ.

— Ты тоже хочешь переспать с Шэнь Хуэем?

Оглушительная музыка диджея поглотила пронзительные крики и мольбы о пощаде. Спустя несколько мгновений Чэнь Шэньчжи тщательно вытер пальцы и направился к приватной комнате на втором этаже.

Шэнь Хуэй стоял в конце коридора на втором этаже и холодно наблюдал за происходящим. Чэнь Шэньчжи не спеша остановился на предпоследней ступени и, подняв голову, улыбнулся ему.

— Больше они тебе на глаза не попадутся.

Но Шэнь Хуэй все еще был натянут как струна. Другие могли и не заметить, но Чэнь Шэньчжи сразу понял: он уже в ярости.

— Или ты тревожишься о ком-то другом?

Шэнь Хуэй стиснул зубы и спросил, чеканя каждое слово:

— Куда ты спрятал Янь Цзю?

Улыбка Чэнь Шэньчжи постепенно исказилась, а следом поплыл и весь его силуэт вместе с фоном. Картина становилась все более нелепой, слепящей, ненормальной.

И Шэнь Хуэй услышал откуда-то издали жутковатый голос Чэнь Шэньчжи:

— Угадай.

Сон внезапно рассыпался, и Шэнь Хуэй резко открыл глаза на больничной койке.

В палате стояла такая тишина, что было слышно, как упади иголка. Он повернул голову, все еще не до конца придя в себя, и увидел рядом Ян Бая, который крепко спал, прижимая к груди толстую профессиональную книгу.

Смутная угроза из сна постепенно рассеялась, и Шэнь Хуэй уже не мог даже понять, что именно ему приснилось. Он помнил только, что это, кажется, было связано с Янь Цзю, но нынешнее положение не оставляло ему времени на такие размышления.

Шэнь Хуэй, тоже лежавший в больнице, был куда спокойнее. Поначалу он еще немного тревожился о состоянии Янь Цзю, но вскоре ему стало не до этого.

Собственное его состояние было далеко не обнадеживающим. Жар возвращался снова и снова, ясных промежутков становилось все меньше, тело ощущалось все более чужим и мучительным. Тонкий, не подвластный воле инстинкт, требовавший определенного рода наслаждения, делал его особенно раздражительным.

Терпеть Шэнь Хуэй умел, поэтому при Ян Бая ничем себя не выдавал. Но взгляд Ян Бая становился все тревожнее — как будто он смотрел на фарфоровую вещь, способную рассыпаться в любой миг.

Например, только что, едва Шэнь Хуэй чихнул, Ян Бай тут же встревоженно повернулся к нему:

— Капельница слишком холодная? Я принесу грелку.

И вскочил за ней, даже не дослушав ответа.

С тех пор как Шэнь Хуэй заболел, Ян Бай стал до болезненности напряженным и прилежным. Тот самый юноша, который раньше на каникулах только и думал, как бы улизнуть гулять, теперь безотлучно сидел при Шэнь Хуэе и, пока тот спал, зарывался в профессиональные книги по восстановлению желез.

Сначала Шэнь Хуэй хотел было предостеречь его, чтобы тот не переусердствовал, но сдержался, решив, что для будущего Ян Бая это, возможно, пойдет на пользу. Однако в последнее время парень словно помешался на учебе; взгляд у него становился все более странным, а поведение — все чуднее. Однажды он даже попытался помочь Шэнь Хуэю сходить в туалет.

Шэнь Хуэй хладнокровно выставил его за дверь, а Ян Бай снаружи жалобно завопил:

— Брат! Брат! Ты там в порядке? Только не упади! Я принесу тебе мягкие салфетки! Больничная бумага слишком жесткая!

Шэнь Хуэй: «...»

У Шэнь Хуэя даже выработалась нервная реакция на резкие движения Ян Бая. Но Ян Бай не успел сделать и двух шагов, как дорогу ему преградил Гу Юй, приведший с собой целую толпу специалистов.

Шэнь Хуэй сразу выпрямился на кровати и встретился с Гу Юем взглядом.

Гу Юй держался расслабленно:

— Не волнуйся. Все, кого я позвал, из круга моего наставника. Болтать они не станут.

Шэнь Хуэй с облегчением выдохнул:

— Спасибо.

Взгляд Ян Бая намертво прилип к самому пожилому профессору за спиной Гу Юя — тому самому, с самыми белыми и самыми редкими волосами, которого он видел только на университетской доске почета! Настоящий титан в исследовании желез!

Но восторг быстро накрыла волна страха: состояние Шэнь Хуэя оказалось куда серьезнее, чем он думал. Иначе зачем было звать такого уважаемого профессора? Он нервно сглотнул:

— Доктор Гу, что на самом деле с моим братом? Вы же говорили, что это просто обычная инфекция железы?

Старшие коллеги Гу Юя и его наставник одновременно уставились на него так, что чуть не продырявили взглядами.

Гу Юй:

— Э-э... ну...

Шэнь Хуэй вовремя вмешался:

— Сяо Бай, мне захотелось вонтонов из лавки внизу. Сможешь купить мне одну порцию?

Даже если Ян Бай и не отличался сообразительностью, тут он понял: Шэнь Хуэй пытается его отослать. Ему стало и обидно, и досадно.

— Брат, я уже вырос!

Шэнь Хуэй на миг опешил, потом тихо рассмеялся:

— Значит, раз вырос, уже не хочешь покупать мне вонтоны?

— Я... — Ян Бай хотел сказать, что вырос и может тоже взять на себя часть тяжести, но улыбка Шэнь Хуэя лишила его дара речи. Он послушно ушел за вонтонами.

Гу Юй закатил глаза:

— Ты все лучше пользуешься своей этой «медовой ловушкой».

Шэнь Хуэй неопределенно улыбнулся:

— План лечения уже определили?

Гу Юй сразу стал серьезным и тяжело вздохнул:

— Да.

Он бросил взгляд на наставника и продолжил:

— Сейчас есть только два варианта. Первый — найти того дик... кхм, твоего крайне совместимого альфу и использовать его феромоны в сочетании с лекарственной терапией. Это не гарантирует полного выздоровления, но внешне ты сможешь выглядеть как обычная омега.

— Внешне?

Гу Юй кивнул:

— Потому что тебе нельзя поставить постоянную метку. Сколько бы феромонов ни вводили, в конце концов они все равно будут выводиться из организма. Помнишь задачу из начальной школы про бассейн, который одновременно наполняют и спускают? Примерно так.

Шэнь Хуэй не улыбнулся шутке. Лицо у него потемнело.

— А второй вариант?

Гу Юй и остальные выглядели мрачно. После короткой паузы он сказал:

— Второй вариант — удаление железы.

Шэнь Хуэй молча ждал продолжения.

Гу Юй долго не решался, прежде чем добавить:

— Но у этой операции очень серьезные побочные эффекты. После нее тебе всю жизнь придется принимать гормональные препараты железы, чтобы поддерживать баланс гормонов. И сама операция очень рискованная.

Гу Юй прекрасно знал, чего хочет Шэнь Хуэй, поэтому за последние несколько дней он вместе с командой перелопатил все экспериментальные записи и все идеи, касавшиеся восстановления желез, потревожив даже собственного наставника. Но окончательный вывод был один: вернуться к состоянию беты Шэнь Хуэй уже не мог. Его железа была окончательно уничтожена еще теми тремя операциями в прошлом, особенно последней, устроенной Чэнь Шэньчжи, — по сути это был смертный приговор: либо стать омегой, либо умереть на операционном столе.

После долгого молчания Шэнь Хуэй спросил:

— Сколько лет я проживу после операции?

Гу Юй замялся, страдая от необходимости это произносить:

— Самый долгий зафиксированный срок — три года.

Шэнь Хуэй умолк. Три года назад он выбрал бы операцию без малейших колебаний. Но теперь — колебался. Если он будет знать, что ему осталось лишь три года, что станет с дядей Яном и Ян Баем?

— А нельзя попробовать консервативное лечение?

Этот вопрос удивил Гу Юя; он растерянно посмотрел на наставника.

Старый профессор с сожалением вздохнул:

— Твоя железа сейчас слишком хрупкая. Малейшее раздражение — и она может полностью разрушиться. Самое позднее через неделю ты должен принять решение.

Третий путь, на который Шэнь Хуэй когда-то случайно ступил, наконец дошел до конца. Помолчав, он поблагодарил всех и сказал, что даст ответ в течение недели.

Вечером того же дня Шэнь Хуэй и Ян Бай вернулись в мастерскую.

Едва выйдя на улицу, они почувствовали: со всей деревней что-то не так.

Ян Бай, нагруженный пакетами с вещами, шел следом за Шэнь Хуэем и недоумевал:

— Эй, еще только десять вечера. Почему так много лавок уже закрыто? Даже тетушка с фруктами сегодня не вышла.

Они поспешили обратно в мастерскую и обнаружили, что хозяин Ян не открыл лавку и дома его тоже нет.

Пока Ян Бай, подсвечивая телефоном, шарил под ковриком в поисках ключа, хозяин Ян как раз вернулся на своем маленьком трехколесном мотоцикле. Увидев две подозрительные фигуры у дверей, он сперва решил, что к ним залезли воры, но, узнав обоих своих «сыновей», сразу успокоился:

— Сяо Хуэй, тебя уже выписали? Полегчало?

Ян Бай, которого полностью проигнорировали, так и торчал с оттопыренным задом, продолжая шарить под ковриком: «...»

Ему часто казалось, что именно его когда-то подобрали на улице.

Перед хозяином Яном Шэнь Хуэй был непривычно покладист.

— Ничего серьезного. Дядя Ян, а вы где были?

Радость на лице хозяина Яна сразу померкла, уступив место горечи.

— Ходил смотреть, нет ли подходящих помещений под аренду.

На этот раз пришел черед Шэнь Хуэя и Ян Бая опешить:

— Вы переезжаете?

*

Полчаса спустя Ян Бай принес от соседей холодные закуски, тушеное мясо и пиво. Хозяин Ян ушел на кухню, сварил для Шэнь Хуэя несколько пельменей с грибной начинкой и еще приготовил на пару миску яичного заварного крема, ни за что не желая кормить больного той же простой едой, что ели они с сыном.

Втроем они уселись вокруг маленького обеденного стола в гостиной на втором этаже, ели и разговаривали.

Перед Шэнь Хуэем стояла миска золотистого, аппетитного яичного крема, сбрызнутого кунжутным маслом и посыпанного зеленым луком. Выглядело так вкусно, что Ян Бай раз за разом косился на нее, пока Шэнь Хуэй не зачерпнул ложку и не переложил ему в миску; только после этого Ян Бай принялся расспрашивать хозяина Яна о переезде.

Переезжать хозяин Ян, конечно, не хотел. Он прожил здесь много лет; клиентура была стабильная, аренда дешевая, кое-что удалось отложить. Но против городской власти не попрешь. Этот район еще в начале года определили под снос. Сперва владельцы помещений тянули время из-за недовольства компенсацией, но в прошлом месяце внезапно пришел застройщик с толстыми кошельками и быстро уладил все вопросы. Снос должен был начаться уже в этом месяце.

Шэнь Хуэй нахмурился:

— Какой застройщик?

Деревня Чжунши была третьей по величине «деревней в городе» в Цинхае. Во всем Цинхае, да и по стране в целом, нашлось бы совсем немного групп, способных одним махом проглотить такой участок.

Поскольку арендаторам компенсация за снос не полагалась, хозяин Ян не особенно вникал:

— Кажется... корпорация Янь?

Ян Бай проглотил ложку яичного крема, от жара у него чуть не заплясал язык:

— Янь? Это семья старшего Яня?

Другой корпорации Янь в Цинхае не существовало, но Шэнь Хуэй все равно чувствовал, что это не очень похоже на стиль Янь Цзю. У деревни Чжунши и правда были географические преимущества для застройки, однако в нынешние годы экономического спада подобное вложение было слишком рискованным.

Шэнь Хуэй невольно постучал пальцами по столу:

— Если только тут не действует какая-то форс-мажорная причина...

Хозяин Ян и Ян Бай наблюдали, как он вошел в рабочий режим. Отец и сын синхронно отодвинули стулья подальше: когда Шэнь Хуэй начинал «серьезно думать», от него исходила такая аура, что казалось, стоит заговорить при нем слишком громко — и твой род вырежут до девятого колена.

Ян Бай наклонился к отцу и прошептал:

— Как думаешь, мой брат сейчас схватит нож и пойдет убивать ответственного?

Хозяин Ян решил, что в этом что-то есть:

— Сначала спрячь ножи на кухне.

Шэнь Хуэй их мелких движений не заметил — он был занят тем, что размышлял о мотивах Янь Цзю.

Но ясный ход его мыслей внезапно перебил образ лица Янь Цзю, пылающего страстью, — те обжигающие поцелуи, хриплые, полные жажды призывы...

По телу беззвучно расплзалась неукротимая тяга; даже кончики пальцев слегка онемели.

Ему нужно было как можно скорее принять решение.

В тот самый момент, когда Шэнь Хуэй наконец решился, Янь Цзю в институте исследований желез открыл глаза и сел на постели.

Тан Фань уже собирался подойти проверить его состояние, но, наткнувшись на этот безумный взгляд, застыл, не смея произнести ни слова.

Янь Цзю улыбнулся — улыбкой демона, выползшего из ада:

— Шэнь Хуэй все еще жив.

Для вас старалась команда Webnovels. поддержите историю лайком и комментарием)

Дядя умоляет о добавлениях в избранное и комментариях! Маленькие ангелочки, посмотрите же на меня! [сердце][сердце][сердце]

<http://bllate.org/book/17144/1604494>